

3 февраля 2020 не стало Евгения Владимировича Витковского, последнего поэта Серебряного Века.

Человека, создавшего школу перевода, породившую плеяду переводчиков божьей милостью.

Поэт, переводчик, историк литературы, **ЧЕЛОВЕК**, с чьим именем было связано практически всё лучшее, выпущенное «Водолеем» за последние 18 лет.

Евгений Владимирович – это серии «Серебряный век.

Паралипоменон»,

«Малый Серебряный век», -

возводившие и сумевшие извлечь из небытия уже более 70 поэтов

Серебряного Века, это серия «Звезды зарубежной поэзии», это трехтомник «Семь веков английской поэзии», трёхтомник «Франция в сердце» переводов французской поэзии, это три выпуска альманаха «Век перевода», это грандиозный двухтомник переводов «Вечный слушатель», это цикл романов «Земля Святого Витта» и «Чертовар», это колоссальный эпический поэтический цикл «Град Безначальный», выведший автора в самый первый ряд русских поэтов, это книги Т. Крамера, Р. Сервиса, антология «Раздол туманов», это замечательные люди - поэты и переводчики, которых он привлек к выпуску многих водолеевских книг.

Количество сделанного им до «Водолея» и вне «Водолея» невообразимо.

Наверно он и сам не смог бы всё перечислить.

Он мог только СДЕЛАТЬ это.

Эпоха Евгения Владимировича Витковского не заканчивается. Она меняет характер своего движения и развития - с линейного на циклическое. Потому что его книги - это постоянное возвращение к ним, новое узнавание прочитанного, постоянное приращение читателями, мыслями, стихами. Его служение поэзии - великий подвиг.

Это подлинная, зримая вечная память.

ИЛЬЯ БУДНИЦКИЙ

В этом номере публикуется подборка стихов Евгения Владимировича Витковского, присланная им для Альманаха «Витражи».

ЕВГЕНИЙ ВИТКОВСКИЙ

Родился 18 июня 1950 года в Москве. До отмены в СССР цензуры печатался как поэт-переводчик; опубликовал множество переложений из Китса, Уайльда, Киплинга, Рильке, Рембо, и других. В 1990-е годы подготовил к печати четырехтомную антологию поэзии русского зарубежья «Мы жили тогда на планете другой», трёхтомное собрание сочинений Георгия Иванова и многое иное. В 2003 году создал сайт «Век перевода» (www.vekperevoda.com), в 2005 и 2006 годах издательством «Водолей Publishers» по материалам сайта изданы антологии русского поэтического перевода XXI века – «Век перевода». Лауреат премии «Серебряный век» за 2014 год, эксперт Союза переводчиков России, поэт, переводчик, романист, главный редактор(бывший) издательства «Водолей».

Стихотворения из новой книги «Град безначальный»

BELLUM OMNIUM CONTRA OMNES*. 1918

Ядовитые газы германской войны.
Дирижабли, прививки, котлы, суррогаты.
Как мы были в те годы бездарно бедны!
Как мы были в те годы бездарно богаты!

То цилиндр, то берет, то картуз, то чалма,
и ходили б часы, только сломаны стрелки.
Эту кашу Европа варила сама,
и она же в итоге облизет тарелки.

Если жалко алмаза – сойдет и корунд.
Если жалко ведра – так сойдет и бутылка.
Первой скрипкою будет какой-нибудь Бунд,
и дуэтом подхватит какая-то «Спилка».

То ли хлор, то ли, может, уже и зарин.
Миномет на земле, а в руке парабеллум.

Аспирин, сахарин, маргарин, стеарин
и пространства, где черное видится белым.

А еще есть Верден, а еще Осовец,
и плевать на эстонца, чухонца, бретонца,
а еще есть начало и, значит, конец –
все двенадцать сражений за речку Изонцо.

А еще ледяное дыханье чумы,
а помимо того – начинает казаться,
что на свете и нет ничего кроме тьмы,
комбижира, кирзы и другого эрзаца.

И ефрейтор орет то «ложись!», то «огонь!»
и желает командовать каждая шавка,
и повсюду Лувен, и повсюду Сморгонь,
и не жизнь, а одна пищевая добавка.

И кончается год, а за ним и второй,
а на третий и вовсе отчаянно плохо,
а Россия обходится черной махрой,
а Германия жрет колбасу из гороха.

И события снова дают кругалю,
потому как нигде не отыщешь в конторах
ни селитры, ни серы, ни даже угля,
и никто не заметил, что кончился порох.

Полумесяц на знамени бел и рогат,
окровавлены тучи, и длится регата,
и по Шпенглеру мчится Европа в закат,
незаметно пройдя через пункт невозврата.

*Война всех против всех

НАФТАЛИ ФРЕНКЕЛЬ. БРЫЗГИ ШАМПАНСКОГО. 1926

Что за яблочко в пасти у здешнего льва?
Даже звезды зимы от вранья косоглазы.

Но на сердце доселе хранят острова
пир во время чумы, пир во время проказы.

Внук раввина впервые за много веков
и монахам и уркам готовит подачки,
и летят в Антарктиду с родных Соловков,
цепenea от страха, полярные крачки.

Только этим плевать на слова директив,
подневольной толпой исполняемых тупо,
здесь правительство нынче – чахотка и тиф,
и свирепствует круп хуже Фридриха Круппа.

Полагается двигаться верным путем
и, приветствуя радостный труд перековки,
четвертинку столетья отрезать ломтем
под икру и шампанское в рабской столовке.

Что ж не праздновать тут, с дорогою душой
к Неффалиму-владыке тихонько подсыпьясь?
Он умеет устраивать хипиш большой,
никому не позволив устраивать хипес.

Убедит он любой ненадежный притон
не играть с гепеу ни в лапту, ни в горелки,
он-то знает давно, на который чарльстон
покупаются лучше всего недострелки.

Новогодней баланды глубокий черпак
причитается каждому в нынешнем цирке,
чтобы каждый сплясал новогодний гопак,
ну, а если не спляшет – сгниет на Секирке.

Четверть века упало в довременный мрак.
потому-то и времени нынче не жалко.
И танцует с троцкистами весь женбарак,
и одета по моде любая хабалка.

И в подпите решив, что была не была,
этот остров не хуже, чем всякий соседний,
на узбекском рубабе играет мулла,
напевая негромко про «есть наш последний».

И на многие страсти сейчас неделим,
среди урок, красиво одетых-обутых,
разомлев, размышляет завхоз Неффалим
о родной мастерской на Больших Арнаутах.

Кто узнает, что выпадет нам в январе?
И молчит монастырь, и не ведает гнева,
а его протопоп и заезжий кюре
крестят слева направо и справа налево.

И колеблется вечность на Божьих весах,
И рождается кашель в груди нездоровый,
и гармоникой страшной висят в небесах
багрецы высоко над страной багровой.

И сиянье полярное пляшет фокстрот,
освещая тропу от варяга до грека,
и приветствует весь соловецкий народ
четвертинку вторую двадцатого века.